

Лариса Джейкман

**Затмение
в созвездии
близнецов**

Лариса Джейкман

Затмение в созвездии близнецов

«Издательские решения»

Джейкман Л.

Затмение в созвездии близнецов / Л. Джейкман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932096-4

Две сестры, две судьбы, две жизни. Стечение обстоятельств вовлекает сестер-близнецов, Людмилу и Анастасию, в водоворот печальных событий. И нежная, хрупкая Мила неожиданно дает сто очков вперед своей отчаянной сестре в опасной авантюре. Но между ними стоит мужественный, безумно любящий одну из них Дмитрий, мужчина, который не переступил недозволенную черту и сумел сохранить спокойствие семьи в период опасного затмения взаимоотношений участников этой драмы.

ISBN 978-5-44-932096-4

© Джейкман Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Затмение в созвездии близнецов

Лариса Джейкман

© Лариса Джейкман, 2018

ISBN 978-5-4493-2096-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Настя с трудом пыталась проснуться. Она не любила рано вставать, и даже мысль о предстоящих делах не воодушевляла ее. Чувствовала она себя прескверно и пыталась побороть все нарастающую тошноту.

– Господи, ну какого черта я поперлась вчера с ними?! – тихо проговорила она и попыталась подняться.

Голова тут же зашумела, закружилась, и Настя снова упала ничком на кровать. Она поняла, что силы покинули ее еще вчера и так и не вернулись. А надо было подниматься, во что бы то ни стало надо! Ее ждали.

Жизнь у Насти была напряженная, полная забот и событий, что для хорошенькой девушки было не совсем естественно. Она должна была бы жить в свое удовольствие и не мучиться от того, что дела у нее идут неважно, а жизнь просто опасная. Но Настя другой жизни не знала и поэтому считала, что живет вполне нормально, во всяком случае гораздо лучше, чем раньше, в семье ее троюродной тетки Антонины и ее мужа, которые взяли ее себе на воспитание в возрасте двух лет и всю жизнь выговаривали ей за это.

– Мы вырастили тебя, кормили, поили, одевали-обували! Ты должна быть нам по гроб жизни благодарна за все, – твердили они ей неустанно, и Настя не могла дождаться, когда сможет уйти от них.

Ее мечта сбылась, когда ей исполнилось восемнадцать. Девушка собрала свои вещи и уехала в другой город, объяснив своим родным, что собирается поступать в техникум и в их опеке больше не нуждается.

– Пропадешь ты, Настасья, как пить дать, пропадешь, – говорил ей Алексей, теткин муж.

Он всегда считал ее никчемной, неприспособленной к жизни и совершенно легкомысленной. Тетка Антонина с ним соглашалась, а Настя злилась и с большим трудом подавляла все нарастающее чувство ненависти к своим родным, к которым никаких чувств благодарности не испытывала.

Покинув теткин дом, Настя уехала сначала в Москву, но там быстро поняла, что без денег и прописки ей здесь делать нечего и подалась дальше. По дороге, в поезде, она совершенно случайно познакомилась с Маратом, который и стал ее покровителем. Деловой оборотистый Марат имел какой-то крупный по провинциальным меркам бизнес, и ему как раз нужна была помощница, как потом оказалось, просто подельница.

– Раз тебе все равно, куда податься, поехали со мной. У тебя будет работа, жить будешь пока в заводском общежитии, а там видно будет, – предложил он ей, и Настя согласилась.

Так она оказалась в Козельске и стала разъезжать из города в город, выполняя задания Марата. Это продолжалось до тех пор, пока они вместе не сбежали оттуда и не осели в Маржуйске, где Марат купил две квартиры, одну для нее, другую для себя, и они, что называется, «залегли на дно».

Бизнес у Марата был, прямо скажем, опасный. Он получал откуда-то партии наркотиков, расфасовывал их, а потом реализовывал. Но только не там, где жил, то есть не в Козельске, а разных других местах, куда и командировал Настю. Она прибывала в назначенное место, селилась в гостинице и принимала у себя посетителей, которые долго в ее номере не задерживались. Они получали необходимое количество пакетиков, оставляли крупные суммы денег и быстро исчезали. По окончании распродажи Настя возвращалась в Козельск, получала свою долю и ждала следующей командировки.

Однажды Марат сказал, что они как-то там засветились и лучше пока приостановиться и даже исчезнуть из города. Так они оказались в Маржуйске и сначала ничем не занимались, Марат строил новые планы, а Настя наслаждалась бездействием. Но это продолжалось недолго,

вскоре Марат, не придумав ничего более доходного, вернулся к прежней деятельности и снова заставил работать Настю, только ездила она теперь намного дальше.

Тетке Антонине она сообщила свой новый адрес и попросила за нее не беспокоиться. Теряться из виду Насте не хотелось. Она знала, что тетка с дядькой имеют немного денег, да и неплохое жилье. Они обещали все оставить ей, если с ними что-то случится, кроме Насти у них никого больше не было.

А вчера Марат привел Настю в какую-то сомнительную компанию и попросил поближе познакомиться с одним человеком, втереться к нему в доверие и даже, если получится, начать с ним встречаться. Зачем и почему, Марат не объяснял, сказал, что расскажет позже, если тот «клюнет» на Настю.

– Ты постарайся, Настюха. Я чувю, тут деньжатами пахнет, надо его раскрутить. Тогда мы свой бизнес организуем, оторвемся от пахана. Вотришься к нему в доверие, потом и я приближусь, а там все будет как надо, это я беру на себя.

Человек этот Насте сначала не понравился. Мужчина лет тридцати или около того, какой-то весь замученный, уставший и неразговорчивый. Но потом она разглядела, что он внешне очень даже ничего, одет в дорогие шмотки и разговаривает не по-блатному. Из благородных, короче.

«Ну что ж, все не так уж и плохо», – подумала она и сказала Марату:

– Я попробую, он, вроде, нормальный. Дай мне время.

Настя несколько раз взглянула на него с интересом, пару раз улыбнулась, а потом села рядом и попросила закурить. Лучшего повода ей в голову не пришло.

– Извините, а что вы курите? – спросила она свою жертву, тот молча достал золотистую пачку и протянул ей.

Настя закурила, сигарета ей не понравилась, но нужно было выполнять задание Марата, поэтому она осталась сидеть рядом и не знала, как продолжить так и не начавшийся разговор.

– Вы-то что тут делаете? – услышала она вдруг и слегка вздрогнула от неожиданности.

У мужчины оказался очень приятный грудной голос, мягкий и спокойный. Она снова улыбнулась и ответила:

– А что? Что вы имеете в виду? Я с Маратом пришла, мы вместе работаем. А разве это плохо – быть здесь?

Мужчина устал и без интереса взглянул на нее и ответил:

– Плохо – не то слово. Опасно, я бы сказал. Особенно для таких молоденьких, хорошеньких девиц, как вы. Марат ваш – чудовище. Он не должен водить вас на такие сборища.

Настя промолчала. Потом опять взглянула на своего подопечного и сказала:

– Да ладно вам. Мне абсолютно все равно, что это за сборище. Вы вот, например, не представляете для меня никакой опасности, даже наоборот. Интересный мужчина, загадочный весь такой. Как вас зовут? Меня Настя.

– Я знаю, что Настя. А я Дмитрий.

Девушка вдруг заметила, что Марат куда-то исчез и больше до конца вечера не появлялся. Настя пыталась разговорить Дмитрия, потом несколько человек куда-то засобирались и пригласили их пойти с ними. Дмитрий согласился, а Насте ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Приехали они в какой-то ресторан, расположенный за городом. Там очень много пили, шумели, курили и танцевали. Настю приглашали все, кроме Дмитрия, которому, казалось, нет до нее никакого дела. А она ведь поехала из-за него.

Но вдруг Дмитрий подошел к ней, взял за руку и сказал:

– Поехали, я отвезу тебя домой. Ты пьяная совсем, и они тебе не товарищи.

Настя послушно поплелась за ним и больше ничего не помнит.

– Так, надо сосредоточиться, – думала девушка, все еще лежа на кровати и не в силах подняться. – Что же было потом?

Она с трудом вспомнила, что Дмитрий привез ее домой на такси, сам открыл ее дверь, она не могла попасть ключом в замочную скважину. А потом? Дальше она не помнила ничего. Настя усилием воли заставила себя подняться и направилась было в ванную, но тут заметила на столе клочок бумаги.

«Позвони мне» – гласило в послании, и номер телефона был написан четко и разборчиво. Настя отправилась в душ. Дверь в ванную была слегка приоткрыта, и там горел свет.

«Странно, – подумала она, – я там была вчера или Дмитрий? Почему свет-то не выключили?»

Шатающейся походкой она подошла к двери, открыла ее и в ужасе застыла на месте. На кафельном холодном полу распростерлось мертвое тело Марата, голова была откинута, глаза широко открыты, а рот окоченел в странной полуулыбке, которая как бы говорила: не верьте, это розыгрыш, я не мертв...

– Боже мой, – прошептала Настя и опустилась на пол, все еще вцепившись в ручку двери, не в силах отвести взгляд от воскового лица Марата, который исчез из ее жизни таким странным образом, даже не попрощавшись.

Глава 2

В Москве, в роскошной квартире на Цветном Бульваре, встречали гостей. Отмечался праздник, день рождения Милочки Лагутиной, ей исполнилось двадцать лет, и красоте и свежести этой очаровательной девушки мог позавидовать каждый.

Родители Милочки, Станислав Мартынович и Вероника Аркадьевна Лагутины, были полны счастья и гордости за свою дочь. Красивая, умная, благовоспитанная Мила производила на всех более, чем приятное впечатление. Родители гордились плодами своего труда и считали, что воспитали дочь в самых лучших традициях благородной интеллигентной семьи.

Мила заканчивала Московский Медицинский Институт и готовилась стать психиатром. У нее был талант, божий дар, она могла видеть ауру человека и тем самым четко определяла, кто хороший, добрый по натуре, а кто со злым умыслом и плохими намерениями.

У Милы был жених, молодой, подающий надежды артист молодежного театра «Арт» Виталий Петерсон, играющий современных героев в модных популярных пьесах, а также и главных героев в классических постановках. Мила и ее родители не пропускали ни одного спектакля, где был занят Виталий, вместе с ним они часто посещали выставки, концерты и вернисажи, короче, вращались в элитарной среде.

Виталий Милочку обожал, а она разрешала ему это. Сама же она относилась к Виталию слегка снисходительно и часто говорила:

– Я уважаю его за то, что у него аура очень тонких, нежных оттенков. Этот человек абсолютно безвреден, чист и неопасен.

О любви она никогда не задумывалась, она просто считала, что их отношения и есть любовь, самая что ни на есть настоящая.

Гости собирались медленно. Приходили с огромными букетами цветов, роскошными подарками и ценными конвертами, все это складывалось в Милочкиной комнате и ждало своего часа. Распаковывание подарков – это целый ритуал, которому позднее будет отведено особое время.

Мила выглядела изумительно в своем солнечном желтом платье с густой плиссированной юбкой чуть выше колен и открытым лифом. Ее густые волосы цвета речного песка были уложены в замысловатую прическу, синие глаза сияли счастьем, а с лица не сходила радостная приветливая улыбка.

– Хороша! До чего же хороша Мила Лагутина, – перешептывались гости, а Станислав Мартынович то и дело подливал гостям шампанское, пока Вероника Аркадьевна порхала у стола, делая последние приготовления.

Гости уже рассаживались за стол, как прозвенел звонок в дверь.

– Телеграмма, Вероника Аркадьевна, – услышали все голос домработницы Вари, – расписаться просят.

Телеграмму зачитали торжественно и с достоинством:

«Любимую сестричку поздравляю с двадцатилетием желаю счастья люблю Дмитрий»

– От Димочки, – сказала чуть прослезившаяся Вероника Аркадьевна, а Милочка залилась краской и восторженно засияла.

– Как жаль, что он не с нами, – сетовали гости, а родители только скорбно пожимали плечами: дела, мол.

Виталий, жених Милы, на мероприятии не присутствовал, у него целый день была генеральная репетиция, а вечером спектакль. Он был экстремально занят, как выразился Станислав Мартынович, и все присутствующие сочувственно поглядывали на Милу. Но та была весела и довольна, и праздник прошел хорошо.

Мила осталась в восторге от обилия дорогих, внушительных подарков. Были тут французские духи, итальянские дорожные лодочки на шпильке, мутоновая муфточка, спортивный темно-синий с белым костюм «Nike», всего не перечислишь. Родители же и вовсе не поскупились, они подарили любимой дочери машину, темно-синий Фиат, ключи от которого они вручили ей торжественно и с помпой.

Мила прослезилась. Она знала, что родители задумали что-то сверхъестественное, но машины она не ожидала.

– Дима постарался, это он напруг все свои связи и помог нам купить эту игрушку. Он такой заботливый! – говорила Вероника Аркадьевна, и гости разделяли ее гордость за сына.

* * *

Дмитрий Станиславович Лагутин был в семье на особом счету. В свое время, служа в армии добровольно (он мог бы избежать ее, если бы захотел), Дмитрий был в Афганистане, воевал и чуть было не погиб, от чего Вероника Аркадьевна совсем почти поседела. Вернувшись домой, он занялся предпринимательской деятельностью, открыл фирму «Конфиденциал», где готовил и поставлял нуждающимся профессиональных охранников и телохранителей. Дмитрий процветал, от клиентов у него не было отбоя. И криминал его не доставал, побаивался.

Сам же Дмитрий был глубоко несчастен. Его сердце было разбито неразделенной, более того, запрещенной любовью, от чего он неимоверно страдал и безрезультатно искал выход из создавшегося положения. Все, что случилось с ним в жизни, трудно поддавалось какому-либо логическому объяснению, он был втянут в паутину семейной тайны, которую был обязан хранить до конца дней своих, а потому не имел права на счастье. Так у него было на роду написано, что называется.

Случилось это много лет назад, когда маленькому Диме было всего восемь лет. Он жил с родителями в Москве, учился в школе, был примерным мальчуганом, когда вдруг, откуда ни возьмись, в их семье появилась маленькая двухгодовалая Милочка.

– Это твоя сестренка, Дима. Посмотри на нее, правда она хорошенькая? Ты должен ее любить и защищать, обещаешь? – спрашивал удивленного Диму отец, а мать смотрела на сына во все глаза и тоже ждала ответа.

Дима пообещал, но при этом спросил:

– А откуда она взялась? У мамы же не было живота большого, вы ее что, купили что ли?

Родители сконфузились, они не ожидали, что их сын так продвинут в вопросах появления детей на свет. Первым нашелся отец.

– Понимаешь, сынок, Милочка нам досталась в благодарность за то, что мы хорошо умеем воспитывать детей, а хорошо воспитанный ребенок не задает родителям каверзных вопросов, он полностью доверяет им и никогда не противоречит. Ты согласен?

– Да, папа, – ответил послушный Дима и ушел в свою комнату.

Ночью он горько плакал, сам не зная, почему. Он слышал, как плачет его новая сестренка за стенкой. И ему было жалко и ее, и себя.

И все-таки он Милочку полюбил. Она была тихой, спокойной, послушной. Всегда вертелась вокруг него и прислушивалась к каждому его слову. Родители с тревогой наблюдали за детьми, но вскоре убедились, что отношения у них сложились, брат с сестрой не ссорятся, не конфликтуют, и родители успокоились.

– Все нормально, Вероника, не волнуйся. Димка молодец, настоящий мужчина растет, защитник, орел! – с гордостью говорил Станислав Мартынович жене, и она соглашалась с ним.

Маленькую Милу они взяли в свою семью после гибели двоюродного брата Станислава Мартыновича Игоря Старицына и его жены Валентины. Они погибли в горах Алтая во время лавины, куда отправились покататься на лыжах.

Двух своих дочек-двойняшек, Настю и Люду, они оставили с троюродной сестрой Валентины Тоней, которая согласилась на это с большой неохотой, и отпустила молодых родителей только на неделю.

Но случилась беда, и Антонина не могла себе простить такой оплошности, что осталась с двумя сиротами на руках. Стала срочно искать дальнюю и близкую родню погибших Игоря и Валентины, чтобы сбыть им девочек.

Ей не без труда удалось отыскать Лагутина Станислава, двоюродного брата Игоря, который жил в Москве, был ученым, имел всего одного сына в семье. Станислава известие о гибели Игоря ошеломило. Он посоветовался с женой, и они решили взять на воспитание одну из девочек. Лагутин-старший позвонил Антонине и высказал свое решение:

– Двоих мы не возьмем, извините. Нам условия не позволят, да и ответственность велика. Поймите нас правильно, мы рады помочь в беде, но одну девочку придется воспитывать вам.

Через месяц чета Лагутиных прибыла к Антонине за девочкой. Та громко плакала навзрыд, все никак не могла решить, кого из девочек оставить себе и наконец решилась.

– Забирайте Людмилу, она хворающая какая-то, не дай бог, что случится, я себе вовек не прощу! – сказала она опекунам, и вопрос был решен.

Люду наскоро собрали и привезли в Москву. Ее удочерили и отныне стали называть Милой, решив пожизненно хранить тайну ее появления в семье. К этому же был приучен и Дима, родной сыночек четы Лагутиных.

Антонина же, оставшись с Настей одна, оформила опекунство, а позднее вышла замуж, но они с мужем Настю так и не удочерили, та осталась жить под своей фамилией и всегда была им как бы падчерицей или дальнего родства племянницей, воспитанной в домашних условиях, но без тепла и ласки. Настя Старицына знала о существовании своей родной сестры, но весьма поверхностно.

Мила же ничего не знала о своей судьбе и о наличии у нее сестры даже и не догадывалась. Жизнь ее текла благополучно, в атмосфере семейного уюта, любви и полного достатка.

Глава 3

Дима Лагутин ушел в армию, когда Миле исполнилось двенадцать лет. Она очень тосковала по брату, писала ему детские наивные письма, но потом связь их прекратилась, Диму направили в Афганистан, и вернулся он оттуда только через шесть лет, отслужив сверхсрочную.

Мила не могла дождаться брата. Ей уже исполнилось восемнадцать. Она расцвела, повзрослела, превратилась в красивую статную девушку с прекрасной фигурой и синими бездонными глазами.

– С нее только картины писать, – говорили родителям знакомые, а те всегда отвечали:

– Милочка красива от природы, нашей заслуги здесь нет. Лишь бы счастлива была, вот чего нам больше всего хочется.

Диму встречали на Казанском вокзале всей семьей с огромным букетом гладиолусов. Мила стояла впереди родителей в голубых джинсах и белой батистовой рубашечке, она держала в руках цветы и вглядывалась в лица людей за окнами медленно останавливающегося поезда. Но Дмитрий увидел ее первый и узнал сразу.

«Ничего себе, красотка. Так и влюбиться недолго!» – мелькнуло у него в голове, но он отогнал от себя эту дерзкую мысль. Сестра все-таки...

Выйдя из вагона, он увидел несущуюся ему навстречу Милу со счастливым лицом и сияющими глазами. Она кинулась в его объятия, и он начал ее страстно целовать в глаза, лоб, щеки, а она плакала и причитала:

– Вернулся, Димочка, любимый мой! Я так соскучилась по тебе! Братик, родненький, слава Богу!

– Везет же кому-то! – мельком услышал Дима у себя за спиной. – Такая красотка дождалась, а моя уж вторым беременна, три года как замужем.

Дима наконец опустил Милу на землю, и они направились к ожидавшим его родителям, мама плакала, отец обнимал ее за плечи и гордо взирал на сына снизу вверх. Дмитрий стал почти на полголовы выше отца.

С возвращением Дмитрия жизнь в семье Лагутиных вернулась в прежнее русло. Страхи и беспокойства улетучились, Дима радовал родителей своей рассудительностью, пониманием жизни и четкими целями, которые он ставил перед собой и достигал.

Мила была без ума от брата, но она не подозревала того, что Дима вдруг не на шутку влюбился в нее. Он мучился, переживал, но ничего со своим чувством поделать не мог. Мила снилась ему по ночам, красивая, ласковая. Она обнимала его своими нежными руками и шептала какие-то слова, смысла которых он не понимал, но он знал, что они о любви.

«Боже мой, что же мне делать? Никто ведь не поймет меня. Да и Мила, разве могу я ей все объяснить?» – думал Дмитрий и мучился от бессилия.

Его любовь превратилась в муку и страдание, но он никак не мог изменить положения. Почти целый год мужчина пытался справиться со своей бедой, любовной лихорадкой, но это у него плохо получалось. Однажды вечером Мила явилась домой не одна.

– Димка, иди сюда скорее, я тебя познакомлю кое с кем! – закричала Мила с порога, и Дима вышел в прихожую.

Сердце его тихо заныло от тоски: Мила стояла в обнимку с высоким худощавым красавцем, который улыбнулся ему картинной улыбкой и, слегка отстранив Милу, протянул руку для приветствия.

– Виталий, – просто сказал парень и добавил: – Я много слышал о вас. Сестра вас обожает. Приятно познакомиться.

– Здравствуйте, – ответил Дмитрий и пожал протянутую ему руку.

С этого момента его жизнь превратилась в сплошной кошмар. Он изнывал от ревности, мучился и терзал себя дурными мыслями, когда Милы не было дома по вечерам, а на семейных обедах, на которых иногда присутствовал Виталий, Дмитрий превращался в эдакого злобного циника, ненавидящего весь свет.

– Что с тобой, Димка? – спросила его как-то Мила, выйдя к нему на балкон, где он курил в одиночестве. – Тебе что, не нравится Виталик? Ты при нем прямо сам не свой. Ну хочешь, я не буду его приводить?

– Мила, иди к своему жениху и оставь меня в покое, – ответил он сестре, а скулы его при этом нервно заходили.

Мила ушла, но этот разговор все никак не давал ей покоя. Она решила поговорить с братом еще раз, спокойно, без посторонних.

Как-то вечером она пригласила его на прогулку.

– Жарко очень, пойдем по набережной пройдемся. Мы так давно не гуляли с тобой вдвоем, – предложила она, и Дмитрий тут же согласился.

Всю дорогу Мила висла у него на руке, болтала о каких-то пустяках, звонко смеялась, а он чувствовал запах ее волос, ощущал нежность кожи на оголенных руках, теребил маленькие трепетные пальчики с изящными, как игрушечными перламутровыми ноготками, и сердце его неистово билось, сильно стучало в висках, а горло сковал тугой неприятный ком, мешающий ему улыбаться и говорить.

– Димочка, ну перестань дуться. Чего ты такой колючий? Я так люблю тебя, а ты меня пугаешь, обижаешься на что-то, не разговариваешь. Что произошло? Что-нибудь не так? – стала вдруг допытываться Мила.

Дима сдерживался, как мог. Он не знал, что отвечать, да и что тут ответишь? Сказать правду – Мила с ума сойдет, врать и выкручиваться не хочется. Ему было жаль ее, он видел, как она искренне переживает. Наконец он решился.

– Мила, – тихо сказал Дмитрий, – я очень люблю тебя и не хочу потерять, понимаешь? Если ты уйдешь к этому... Виталию, я не знаю, что со мной будет. Не делай этого, я прошу тебя, хотя бы сейчас. Обещаешь?

– Ну ты и собственник, братик. Ты меня ревнуешь к нему? Но это же глупо! Мои чувства к Виталию и к тебе несоизмеримы, несравнимы, да и вообще, я лучше умру, чем расстанусь с тобой навсегда. У меня этого и в мыслях нет. Обещаю, я всегда буду рядом с тобой, всю свою жизнь. И за кого бы я не вышла замуж, ты всегда будешь у меня на первом месте, ты же мой брат, самый лучший, самый любимый, самый...

Но Дмитрий вдруг резко прервал ее:

– Прекрати паясничать! Я в твоей опеке не нуждаюсь! Это я должен тебя опекать...

Дмитрий заметил, как у Милы повлажнели глаза, губки надулись, и она слегка вжала голову в плечи. Ему стало жаль ее, он попытался взять себя в руки.

– Прости, я сам не знаю, что несу. Прости пожалуйста. Я просто очень люблю тебя, тебе этого не понять, я переживаю за тебя.

– Пошли домой, – тихо сказала Мила и больше не проронила ни слова.

Прошло две недели. Дима немного успокоился, он заметил, что Виталий стал появляться в их доме крайне редко, и он был благодарен сестре в глубине души за это. Но тут вдруг отец вызвал сына на серьезный разговор.

– Дмитрий, я что-то не пойму, что происходит? Мила сама не своя последнее время, и ты весь какой-то, как в воду опущенный. Вы поссорились что ли?

– Нет, мы живем в мире. Только, видишь ли, папа, в твоей семье случилась беда. Не буду от тебя скрывать, в конце концов никто в этом не виноват. Я люблю ее, люблю и мучаюсь от полного бессилия. Что мне делать, скажи! Дай совет! Может быть черт с ней, с этой семейной тайной? Кому она важна сейчас?

Станислав Мартынович, казалось, потерял дар речи. Он в упор смотрел на сына, смотрел молча, сосредоточенно. Потом откинулся на спинку кресла и твердым голосом сказал:

– И думать не смей, слышишь? Людмила твоя сестра, родная сестра! Вот и люби ее, как сестру. А женщин на белом свете хоть пруд пруди. Только свистни, десятками прибегут, любые, какие хочешь. Выбрось эту блажь из головы, и чтобы больше мы к этому вопросу не возвращались. Не убивай мать и не порти жизнь сестре. Они этого не заслужили.

Дмитрий понимал, что отец прав. Ни мать, ни сестра не поймут его и посчитают сумасшедшим, если он начнет доставать Милу со своей любовью.

Дмитрий собрался и уехал на юг.

– Отдохнуть мне надо немного, покупаюсь, позагораю и вернусь. Отдохните и вы от меня, – сказал он своим родным, и никто ему не перечил.

– Поезжай, сынок. Чего тут сидеть? Отдохнешь, действительно. Поезжай! – сказала Вероника Аркадьевна, а Станислав Мартынович подумал:

«Слава богу, от греха подальше. Может, встретит там какую, да и успокоится».

Жене он ничего не рассказывал, не хотел ее расстраивать. Понятно, что на Веронику это подействует гораздо сильнее, чем на него.

* * *

Дмитрий пробыл в Сочи почти три недели. Загорел, отоспался, отдохнул. Не обошел его стороной и незатейливый курортный роман. Прехорошенькая певичка из ресторана «Золотой фазан» сама подошла к его столику и села на колени, исполняя французскую песню из репертуара Эдит Пиаф, что получалось у нее довольно сносно.

Певичку звали Эльвирой, была она тоненькой, стройной, с роскошными кудрявыми волосами и красивым загорелым телом. Она была искушенной любовницей, несмотря на свой довольно юный возраст, и Дмитрий на минуточку забыл о своей недозволенной страсти, хотя и понимал, что это не навсегда.

С такой девицей, как Эльвира, он точно не хотел бы связать свою судьбу. Она напомнила ему стакан ледяной, шипящей в нос газировки в жаркий июльский полдень. Выпьешь, и испытаетшь неимоверное блаженство, но потом долго ее не захочешь, до следующей жажды. Эльвира же была без ума от Дмитрия и дарила себя ему просто так, ради собственного удовольствия, что было совсем не в ее правилах.

– Не забереешь меня с собой? – спросила она его перед отъездом в Москву. – Я ведь хорошо пою, устраюсь в Москве, на твоей шее сидеть не буду. Я люблю тебя...

– Нет, Эльвира. Ты останешься здесь. В Москве у меня есть женщина, в которую я безнадежно влюблен, и двоим вам рядом со мной будет тесновато.

– А чего же не женишься? И мне голову заморочил. Я-то думала, ты свободен, а ты... А хочешь, я тебя к своей бабушке отведу? Она у меня гадалка-предсказательница. Все тебе про твою настоящую и будущую жизнь расскажет. Может, есть там для меня местечко, и зря ты в колодец плюешь?

Дмитрий посмотрел на Эльвиру и вдруг что-то шевельнулось у него в груди, то ли надежда, то ли предчувствие какое-то. Он неожиданно согласился.

– Хочу к твоей бабке-гадалке. Отведи меня, пусть скажет, чего мне ждать от жизни.

Бабка Эльвиры выглядела как старая цыганка, сгорбленная, морщинистая, но с какими-то странными, неестественно молодыми глазами. Она смотрела на Дмитрия внимательно, даже пристально и вдруг сказала:

– С Эльвиркой спал, касатик? А зря! Это тебе ни к чему. Ну да ладно, не беда, Эльвирка отмоется, отлипнет от твоей жизни, а вот та, которая душу твою гноит, не чета тебе, не пара. Забудь!

– Да как же забыть-то, бабушка? Я бы рад, да не могу, что мне с любовью-то этой делать?

– Ты, касатик, сильный человек. На войне побывал, вижу, раны душевные не зажили, они и болят, не зарубцевались еще, не очерствили душу. Больно ты слабый, душевный, чувствительный. Но горю твоему я могу помочь.

«Откуда она про войну знает? Я ведь даже Эльвире ничего про Афган не говорил», – мелькнуло у Дмитрия в голове, и он проникся к старухе доверием.

– А как вы можете помочь? Травы отворотной дадите? – с насмешкой в голосе спросил он.

– Нет, трава не поможет, тут другое средство надо испытать.

Старуха водила руками над какой-то чашей с мутной жидкостью, из которой поднимался то ли пар, то ли дым. Он причудливыми узорами стоял над столом и не таял, не исчезал. Дым окутывал прозрачный розоватый шар, а старуха безумным взглядом взирала на него и хрипло бормотала:

– Сестру ее разлученную найди, вот и замена тебе будет. Любить ее так не будешь, но душу отведешь, и боль душевную в ее объятиях похоронишь. Она-то послаще этой будет и жизнь твою не испоганит... хотя постой, касатик... лучше тебе не лезть в это болото. Трясина, засосет... Не пойму я что-то круговерти этой. А зазноба-то твоя непростая бестия, видит она третьим глазом, погубит она тебя...

Старуха была явно не в себе. Она так и продолжала бормотать, но Дмитрий не стал дослушивать ее бредни, он тихо встал, бросил на стол внушительную купюру и вышел на свет божий.

– Пошли, Эльвира. Все, что мне нужно, я узнал. Бабуля твоя впала в экстаз, я устал.

Эльвира проводила своего очередного кратковременного жениха в аэропорт и сказала на прощание:

– Не забывай про меня. Плохо будет, приезжай. Ты классный мэн, таких сейчас днем с огнем не сыщешь.

– Ладно, спасибо на добром слове. Прощай.

С этими словами Дмитрий быстрой стремительной походкой ушел от Эльвиры, чтобы не видеть ее больше никогда. Ему было почему-то стыдно перед ней, стыдно и неловко.

«Поматросил, да и бросил» – пошловато звякнуло у него в мозгу, а рот наполнился вязкой неприятной слюной, которую он сплюнул, проходя мимо никелированной урны.

В самолете он размышлял над советами старой ведьмы, как он называл про себя старуху-предсказательницу. Честно говоря, от ее речей ему было не по себе.

«Как это возможно, знать о вещах, о которых мне одному только и известно? Ну ладно, про мою связь с Эльвирой она догадалась, тут большой хитрости не надо, но как она про войну, да чего там, про разлученную сестру узнала?! Это же черт знает, что такое?» – размышлял в полусне Дмитрий и чувствовал: есть еще что-то, что не дает ему покоя, но что это, он не понимал. Но вдруг это накатило на него, как морская волна и накрыло целиком, да так, что дышать стало невозможно.

«Сестру ее разлученную найди... душевную боль в ее объятиях похоронишь... жизни твоей не испоганит...» – вот оно, целебное средство. Все так просто! Они же двойняшки, найду ее и обрету себе как бы Милу. Лучшей замены не найти! Наверняка они похожи как две капли воды.

Дмитрия бил озноб. Он чувствовал, что есть в этом какой-то подвох, но глубоко задумываться не хотел, боялся найти изъян в этой затее, а тогда его мечта рассыплется в пух и прах, и он опять останется ни с чем.

Глава 4

Настя Старицына не скоро пришла в себя после увиденного. Она никак не могла взять в толк, что же произошло, кто убил Марата, почему в ее квартире, и, самое главное, причастен ли к этому Дмитрий?

Она толком не знала, что же ей теперь делать, звонить ли в милицию или в Скорую, а может лучше вывезти труп Марата из квартиры, чтобы не впутываться в это дело. Мысли лихорадочно, сменяя одна другую, бились в ее воспаленном мозгу и доводили до дрожи, но правильного решения не подсказывали.

– Так, надо что-то делать. Дмитрию этому звонить или не стоит? А вдруг это он?! – Настя разговаривала сама с собой и даже не замечала этого.

Ей было невероятно страшно одной в квартире с мертвым Маратом, но она не могла никуда уйти, не приняв правильного решения.

– Будь, что будет, – решила она наконец, – позвоню Дмитрию, у меня все равно другого выхода нет.

Дмитрий ответил сразу и по Настиному голосу понял, что что-то произошло. Он пообещал приехать через полчаса, и Настя дожидалась его на лестничной площадке в домашнем халате и накинутом на плечи плаще.

Дмитрий легко бежал вверх по лестнице, и Настя успела заметить, что выглядит он отменно, выбрит, свеж и опрятен, не то, что она, неумытая, непричесанная, в стоптанных тапках и с безумным взглядом.

– Боже мой, что с тобой? Ты что, на лестнице ночевала? – спросил Дмитрий, поднявшись на ее этаж.

– Нет, под лестницей. А ты, я вижу, спал спокойно, и кошмары тебя не мучили.

– Ах вот оно в чем дело! Ночной кошмар. Ну что ж, это бывает. Не бойся, пошли в квартиру, примешь душ, выпьешь крепкий кофе и успокоишься.

Дмитрий говорил очень спокойно и рассудительно, а Настя вглядывалась в его лицо, глаза и пыталась угадать, его это рук дело, убийство Марата, или нет.

– Да что с тобой? Чего ты вцепилась в меня? А ну пошли в дом, – сказал он наконец и буквально потащил ее за руку в квартиру, которая казалась Насте настолько зловещей, что руки и ноги ее окончательно похолодели и перестали слушаться.

– Дима, у меня в ванной убитый человек. Я не знаю, откуда он взялся, и кто его убил. Я боюсь...

Дмитрий резко остановился, посмотрел на свою подругу изумленными глазами, прокашлялся и переспросил:

– Настя, ты в своем уме? Какой убитый человек, почему? Кто он?

– Марат, мой компаньон, с которым я вчера пришла, ну помнишь его?

– Марат?! Вот те на! Ну и что? Ты уверена, что он убит? – Дмитрий все еще как бы не верил ей, пытался понять, вменяема ли Настя.

А она тем временем дрожала, как осиновый лист, и цепко держала его за руку чуть повыше локтя.

– Иди и посмотри сам, только без меня. Мне этого зрелища больше не вынести.

Дмитрий направился в сторону ванной комнаты. Он тоже был потрясен увиденным. Быстро оглядев тело, не дотрагиваясь до него, он понял, что Марата скорее всего задушили тонкой веревкой или проволокой, так как на шее у него красовалась сине-багровая полоса, а глаза были неестественно выпучены.

– Так, одевайся и пошли отсюда. Сосредоточься, успокойся, возьми себя в руки. Марата уже не вернешь, разборки тебе не нужны.

Дмитрий быстро увел кое-как одевшуюся и все еще дрожащую всем телом Настю из ее квартиры. Они сели в такси и поехали к нему в гостиницу. Дмитрий отпоил девушку крепким кофе с коньяком, она немного пришла в себя, и они стали рассуждать. К сожалению, никакие догадки им на ум не приходили, вопросы «кто» и «за что» убил Марата так и оставались без ответов.

– Хорошо, скажи мне, какой, на твой взгляд, может быть мотив? Ты-то должна догадаться, он же твой компаньон... был, – спросил Дмитрий.

Настя думала не долго. Она посмотрела на Дмитрия в упор и сказала:

– Наркотики. Какой еще мотив? Он ничем другим в своей жизни не занимался. Это его бизнес, а теперь вот... – и она вдруг заплакала, как-то по-детски, почти зарыдала.

– Ну-ну-ну, прекрати немедленно! Нашла, о чем плакать. Кто занимается наркобизнесом, знает, на что идет. И ты, значит, туда же. Хороша, нечего сказать! Не реви, надо подумать, как выкрутиться из этого и уцелеть при этом.

– Надо его убрать из моей квартиры, Дима. Мне ведь пришьют это убийство, мне не отвертеться, я и понятия не имею, как оправдываться, что говорить. Меня посадят! Помоги мне! – говорила Настя быстро и умоляюще смотрела на Дмитрия, который все больше и больше жалел о том, что разыскал ее.

Но он не мог оставить Настю одну, чисто по-человечески он сочувствовал ей, хотя и видел, какая пропасть между ней и Милой.

* * *

После поездки в Сочи и разговора с гадалкой Дмитрий совершенно заиклился на идее разыскать Настю, сестру Милы. Сначала он отправился в город, где по сведениям жила Настя и пытался ее выследить. Но вскоре понял, что девушка здесь уже не живет, в чем позднее его убедили всезнающие соседи по дому, у которых он аккуратненько навел справки. Пришлось узнавать ее адрес через тетку, представившись ей по телефону давним Настиним знакомым, вернувшимся из армии. Дмитрий поразился, в каком захолустье проживает в настоящее время Анастасия Старицына, и все же он решил не отступать.

Приехав в Маржуйск, он приятно удивился, что городок не так уж и плох, чистенький, уютный, с красивым сквером и широкой прогулочной набережной. Он остановился в гостинице «Новая» (название говорило само за себя) и стал думать, как выйти на Настю. Ему хотелось, чтобы все выглядело естественно, как бы невзначай. И Дмитрий строил всевозможные планы, хотя отвергал их один за одним и наконец решил оставить все на волю случая.

Случай предоставился сам собой. Дежуря как-то у ее подъезда, Дмитрий случайно разговорился с мужчиной средних лет по имени Марат, тот попросил его присмотреть за машиной, темно-серой «девяткой».

– Я только на минутку наверх поднимусь, посмотри пожалуйста, чтобы пацаны около тачки не терлись, неохота мне зеркало и дворники снимать. Будь человеком!

– Нет проблем, присмотрю, – ответил Дмитрий и нутром почувствовал, что мужчина этот к Насте приехал.

Минут через десять он вышел из подъезда, а на балконе четвертого этажа показалась девушка.

– Настюха, пока! – крикнул он ей, и та приветливо помахала рукой.

– Жена? – спросил Дмитрий, который понял, что он не ошибся в своих предчувствиях.

– Да нет, так, приятельница. Работаем вместе. А ты-то чего тут? Ждешь кого? – вышел не разговор Марат, и Дмитрий его тут же поддержал.

– Ждал, человек один на встречу не пришел. Я приезжий, хочу дело кое-какое тут провернуть. А ты, судя по машине, нормально устроен. Бизнес или просто место доходное? Может, подскажешь чего, а то я в чужом городе никак не приткнуся.

– Так ведь смотря чего ты хочешь. Откуда сам-то? – Марат шел на разговор охотно, и это вполне устраивало Дмитрия.

– Из Москвы, там у меня все в порядке, но вот решил отпочковаться, в провинции тихонечко свое дело наладить, чтобы не делиться ни с кем из своих. А то ведь знаешь, как мозгами шевелить, так один только может по-хорошему, а как барыши делить, так семеро по лавкам сидят, клювами шелкают. Надоело.

– Это везде так. Но тут я тебе мог бы помочь, если деньги у тебя есть. У нас тут спокойно, никто никого не подсиживает. Познакомлю тебя кое с кем. Но только уговор, держаться вместе, я кидалова не люблю. Идет?

– Заметано, – ответил Дмитрий и понял, что он попал в десятку.

Марат действительно познакомил его с парой деляг, они посоветовали ему пока присмотреться к народу, втесаться в доверие, примелькаться, а уж потом и за дело, чтобы не сразу с места в карьер, как говорится. Деловой народ в Маржуйске хоть и спокойный, но пришлых не любит. Надо авторитет заработать.

Так Дмитрий почти три недели вращался среди местной братии, которая отнеслась к нему с должным уважением, почуяла своего. Сумел Дмитрий Лагутин убедить всех, что человек он деловой, надежный и с понятием. Но он ждал Настю, он ждал ее появления в этом кругу, и события не торопил.

И вот она пришла, пришла на тот самый вечер, где они впервые увидели друг друга. Дмитрий не догадался, что это Марат, убедившись наконец в надежности своего нового знакомого, подослал ее к нему. Наверное, Настя хорошо сыграла свою роль.

Дмитрий исподтишка внимательно разглядывал девушку. Он искал сходство с Милой и пытался понять, сможет ли Настя при благоприятном раскладе заменить ее в его душе, сможет ли внушить ему такую же любовь и страсть.

С первой встречи он этого не понял. Настя лицом и фигурой была конечно же похожа на Милу, и даже очень. Те же синие глаза, тот же тонкий изящный профиль, длинные ресницы, красиво очерченный рот. Волосы хоть и того же цвета, но короткие и взъерошенные. Фигура красивая, стройные ноги, высокая грудь.

Но Настя была тем не менее какой-то другой. Манеры другие, улыбка, походка. Все было в ней слегка грубоватым и даже вульгарным. Настя, несмотря на свою стройность и некоторую изящность, не выглядела хрупкой девушкой. Было хорошо заметно, как накачены мышцы у нее на руках, плечи и бедра тугие, сильные, упругие. Это отличало ее от утонченной, хрупкой Милы с ее наивным взглядом и застенчивой улыбкой. Одним словом, Мила была девушкой, а Настя девицей.

«Ну ничего, это все поправимо, лишь бы душой не оказалась или стервой. Этого я не перенесу», – думал про себя Дмитрий и ждал удобного момента, как невзначай разговориться с Настей.

Но она подошла сама и заговорила первой, просто и банально попросив сигарету.

А вот теперь он втянут в эту историю. Очень ему было это нужно! Но чувство ответственности перед Настей упорно толкало его на то, чтобы помочь ей. Он и сам не понимал, почему. Скорее всего, Дмитрий отождествлял ее с Милой в глубине души, и уж конечно же никогда бы не бросил ту в беде. Но на месте Милы была сейчас Настя, и для запутавшегося почти совсем Дмитрия это было почти без разницы. А может быть во всем этом просто проявлялся его характер, характер порядочного человека, который не посмеет бросить женщину в беде.

* * *

Дмитрий и Настя обдумывали ситуацию, вернее сказать, обдумывал Дмитрий, его новая подружка смотрела на него огромными испуганными глазами, полными надежды и мольбы.

– У тебя есть ключ от его квартиры? – наконец спросил Дмитрий у Насти.

– Есть. А зачем тебе?

– Я думаю, самое лучшее – это перетащить труп Марата в его квартиру и оставить там. Сделать это можно глубокой ночью, чтобы не привлекать внимания соседей.

– А потом что? – спросила Настя.

– А потом сматываться надо отсюда. И чем быстрее, тем лучше.

Настя смотрела на Дмитрия непонимающе, взглядом-вопросом. Она не находила слов, чтобы высказать свое мнение по поводу услышанного. Собственно, ей и в голову не приходила такая простая идея, но ее пугало то, что она не знала, кто убийца. Ей казалось, что она тоже в опасности, и теперь ее очередь быть убитой. Ведь они же с Маратом в одной связке работали. Раз его убрали, значит и она, Настя, мешает кому-то, кто хочет вывести их из игры.

Но у нее не было другого выхода, кроме как довериться Дмитрию. Нужно выпутываться, а без его помощи она не справится.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Я согласна с тобой. Но как мы его перевезем? Машины у нас нет. Не на такси же.

– Не на такси. Придется угонять машину, а потом возвращать. Все нужно провернуть за полчаса. Успеем?

– Дима, а ты что, бандит? Откуда у тебя такие замашки – угонять машину, прятать трупы. И вообще, я что-то не пойму, тебе-то это все для чего? Зачем ты лезешь в это дерьмо? Не из-за меня же в конце концов! – Настя спрашивала Дмитрия надрывным шепотом.

Он лишь искоса взглянул на нее и ответил:

– Ты мне позвонила, я приехал. Хочешь, уеду. Нет проблем. Сможешь сама выпутаться?

– Нет! Что ты! Я просто поражаюсь, ты такой интеллигентный, такой чистенький весь, ну я не знаю... а ввязываешься черте во что. Просто хочу тебя предостеречь. Нас не убьют?

– Настя, послушай, нас не убьют, если мы окажемся проворнее и умнее их. Я не знаю, почему убрали твоего дружка, и вообще, что он делал в твоей квартире? Это ты можешь объяснить?

– Нет. Я сама не знаю. Ключ у него был, как и у меня от его хаты, но что он там делал, я понятия не имею. Он никогда в мою квартиру без меня не наведывался. Вообще-то, это его квартира, она на него записана, я вообще ничего не имею. Мы ведь не знали, что такое случится.

– А в каких вы вообще отношениях с ним были? В близких или только партнерских?

Настя вдруг покраснела, что немало удивило Дмитрия. Она ответила не сразу. Но все же не оставила вопрос совсем без ответа.

– Знаешь, это тебя как бы не касается, но я хочу, чтобы между нами была полная ясность. Марат старше меня на двадцать лет. Я никогда не рассматривала его, как потенциального любовника. Мы спали с ним вместе всего один раз, по необходимости. Но он меня не тронул. Знаешь, что он мне сказал тогда?

– Конечно знаю, я же там присутствовал, – попытался пошутить Дмитрий.

– Не оstri. Он мне сказал, что любовником моим он становиться не собирается, потому что не хочет привязываться ко мне. Сказал, что если я его обману, кину по-крупному или предам, то ему легко будет ликвидировать меня, как плохого партнера, а если он будет спать со мной, держать за любовницу, тогда у него рука на меня не поднимется. Страховался, короче.

– Боже мой, Настя! И ты это все терпела? Да тебя вообще кто-нибудь любил? Или ты кого-нибудь?

– Любил. Учитель по физкультуре. Он сделал меня женщиной, когда мне шестнадцать лет исполнилось. Я тогда в десятом классе училась. Он меня в секцию самообороны записал, он же нас тренировал, я в этой секции с четырнадцати лет занималась. А потом мы поехали на соревнования, ну и...

– Ладно, не продолжай. С этим школьным романом мне все понятно. Женат, небось, был твой учитель по физкультуре?

– Конечно женат, иначе я бы за него вышла, – Настя говорила так спокойно и уверенно, что Дмитрий диву давался.

Он не верил, что она не понимает таких простых вещей, как обман, грязная измена, нечистоплотные отношения. Сам он, конечно, тоже не ангел, но он же мужчина и в свои шестнадцать был вполне целомудренным юношей с незамутненным взглядом на жизнь. А Настя... Но ему не хотелось сейчас об этом много думать. Он уже понял, что Настя далеко не девушка его мечты. Разве она хоть чем-нибудь похожа на Милу?! Внешне – да, да и то с натяжкой. А вот уж всем остальным – извините.

– Ладно, давай пойдем в ресторан, пообедаем вкусно и плотно и продумаем план действий. Я тебя не брошу, тебя надо вытаскивать из этой трясины и увозить отсюда. Сделаю все, что смогу, а потом сама определяйся. Деньги у тебя есть?

– Вопрос хороший. У меня своих около пяти тысяч баксов. Это так себе. Но я знаю, где Марат прятал свои деньги. Мы сможем их отыскать, когда к нему попадем. Только чур, его деньги пополам. Обещаешь?

– Настя, ты дура. Ну хоть бы подумала пару минут, прежде чем такую информацию выдавать. Ну кто я такой? Ты меня знаешь? А что, если это моих рук дело? И тебя я не грохнул до сих пор только потому, что жду, когда ты мне про деньги все расскажешь. Как тебе такой вариант?

Настя неожиданно расхохоталась, да так искренне, что и Дмитрий не удержался от скупой усмешки.

– Чего ты хохочешь? Что тут смешного? Или это у тебя нервное?

– Димка, да ты посмотри на себя, ну какой ты убийца? Ты же Дон Кихот Ламанчский, рыцарь, благородный принц печального образа.

– А, ну тогда понятно, почему ты меня предупредила, что Маратовы деньги чур пополам. Наверное, благородство из меня прет слишком уж излишне.

– Если бы оно из тебя не перло, я бы про деньги вообще не заикнулась. Я не дура, как ты изволил заметить. Но я привыкла доверять людям. Знаешь, меня никто, никогда в жизни не обманывал.

– Ну да, особенно учитель по физкультуре. Честнейший, благороднейший...

– А я с ним деньги не делила и бизнесом не занималась. И он был хороший. У него жена была инвалид второй группы, он не мог ее бросить.

– Ладно, хватит. Все мы хороши, честные, благородные. И все по уши в дерьме. Давай выкарабкиваться. Трепом делу не поможешь.

– Давай, – сказал Настя просто и доверчиво, и Дмитрий снова немного смягчился под ее простодушным умоляющим взглядом.

Глава 5

Мила Лагутина скучала дома одна и не знала, чем себя занять. В институте делать было нечего, летняя сессия закончилась, все подруги разъехались по курортам, а она ждала Виталия. Он был на летних гастролях, и вернуться должен был только через месяц. Тогда они вместе с ее родителями поедут в Анталию. У них уже был выкуплен тур, но нужно было ждать.

Виталий Миле часто звонил, признавался в любви и говорил, что скучает. Ей это было приятно, но выслушивала она его признания без замиранья сердца и ответных слов любви ему не говорила. Считала это излишним и слишком сентиментальным.

«Мужчин надо держать в строгости. Пусть лучше сомневается в моей любви и совершенствуется, чем уверует в нее и зазнается», – думала Мила и была уверена в своей правоте.

Она скучала больше по своему брату. Мила не знала толком, куда уехал Дима и зачем. К тому же в последнее время он все реже и реже стал звонить и не называл дату своего возвращения.

«Интересно, у него есть женщина?» – как-то подумала про себя Мила, и у нее неприятно засосало под ложечкой. Она поняла, что тоже ревнует брата. Глупо, конечно, но чувствам не прикажешь, они или есть, или их нет.

От нечего делать Мила решила занять себя чем-нибудь полезным. Да хоть вот, разобрать по-хорошему ящики стола в кабинете у отца. Он сам никогда их не разбирает. Все сваливает туда в одну кучу, а потом сроду ничего не найти. Собственно говоря, это был и Милин стол тоже. Ей был отведен отдельный ящик, большой и вместительный, но отец умудрялся и туда свои бумаги пихать.

Мила принялась за разборку. Занятие скучное, но другого ничего не было, поэтому она решила довести дело до конца, несмотря на скуку. Бумаг было много, какие-то черновики, вырезки из журналов, распечатки, письма, конверты. Все это Мила методично раскладывала по кучкам, а письма складывала в отдельный картонный ящичек, пусть отец сам потом их переберет, и какие не нужны, выбросит.

В основном это были деловые письма, с напечатанным на конверте адресом, но попалось одно странное письмо, с адресом, написанным от руки и адресованное не отцу, а «Лагутиным С. М. и В.А.», то есть Милиным родителям. Она машинально вытащила из конверта листок, исписанный крупным, неаккуратным почерком и стала читать.

Писала какая-то женщина, она рассказывала в письме о себе, о своих недугах и переживаниях, которые связаны были в основном с некой Настей, то ли ее дочерью, то ли племянницей, которая, якобы, совсем отбилась от рук, уехала из дома и теперь не известно, чем занимается. Женщина писала, что не смогла воспитать Настю, как подобает и стала расспрашивать почему-то про Людмилу.

Мила поняла, что речь идет о ней, но она бы не обратила особого внимания на это странное письмо, если бы не одно обстоятельство, как-то между строк женщина проронила:

«Надо вам было забрать обеих, вы бы из них нормальных людей вырастили, а так получилось несправедливо, одна, как сыр в масле, а другая, как сыр в мышеловке, того и гляди, пропадет».

Мила перечитала эти строки несколько раз, но так и не смогла понять, о чем идет речь. Она сложила письмо, засунула его обратно в конверт и убрала в свой ящик.

«Интересно, что это за Настя? Кто кого куда забрал?» – размышляла Мила, и тут ей на ум пришло странное обстоятельство, она вдруг вспомнила, что ее свидетельство о рождении датировано двумя годами позже, чем она родилась. Она спрашивала родителей, почему они не зарегистрировали акт ее рождения вовремя, но вразумительного ответа так и не получила. Мама, заикаясь, говорила о том, что они забыли, мол, сразу, что было совсем уж неправдопо-

добно, а отец сказал, что они потеряли, якобы, ее свидетельство, и им выписали новое двумя годами позже.

В общем, факт этот не был толком разъяснен, но Мила быстро потеряла к этому интерес, не все ли равно, что там произошло. А вот сейчас она опять вспомнила об этом и уловила здесь какую-то связь. Она понимала, что ее отец довольно важный и даже знаменитый человек, чтобы ему вот так запросто писал абы-кто. Значит, эта Антонина его хорошая знакомая, а возможно и родственница.

«Надо будет поговорить с родителями все-таки. Тут что-то не так. Кто они такие, эта Антонина, написавшая письмо, и Настя, о которой идет речь? Почему я о них ничего не знаю?» – думала Мила.

После этого письма у девушки сделалось как-то тревожно и беспокойно на душе. Она остро ощущала эту тревогу и не желала только одного: узнать что-нибудь страшное, удручающее или непристойное. Разговор с родителями Мила откладывала. Не начала она его, когда они вернулись домой, не начала и на следующий день. Прошла уже неделя, а Мила все молчала, то ли боялась чего-то, то ли просто ждала удобного случая.

Но он не представился. Мила со временем успокоилась и даже почти забыла об этом письме.

«Поговорю с ними, если эти Антонина и Настя опять как-нибудь проявятся. Мало ли что, может просто дальние родственники, какое мне, собственно, дело до них», – думала Мила, а вскоре и вовсе забыла и о письме, и об этих людях.

Приближался август. Вот-вот должен был вернуться Виталий, а там и поездка не за горами. Мила блаженствовала и упивалась своей свободой. Часто ездила на городской пляж, купалась, загорала. Ей хотелось приехать на курорт уже подзагоревшей. Она предчувствовала прекрасный отдых и подумывала о том, что Виталий скорее всего сделает ей там, в Анталии, предложение.

Она, конечно, не скажет ему «нет», но попросит подождать окончания института. Ей светила хорошая перспектива, ее уже приглашали на стажировку в научно-исследовательскую лабораторию, занимающуюся проблемами устройства и расстройства психики. Там знали об уникальных способностях Людмилы Лагутиной и однажды даже приглашали ее прочесть небольшую лекцию о сверхвозможных способностях человека, которыми, собственно, и обладала Мила. Все складывалось удачно, слишком хорошо в ее жизни, и Мила боялась перемен к худшему.

Виталий вернулся наконец в Москву и тут же позвонил своей невесте.

– Любимая моя, я ждать больше не могу, хочу видеть тебя. Ты в порядке? – вопрошал он по телефону, и Мила не могла сдержать улыбки.

Радостным тоном она ответила:

– Здравствуй! Наконец-то вернулся. У меня все в порядке, Виталик. Приезжай, я жду тебя.

Виталий появился у Милы примерно через час. Он уже успел привести себя в порядок с дороги, выглядел отменно. Но явился без цветов, что немало поразило привыкшую к повышенному вниманию Милу. Виталий крепко обнял девушку и нежно поцеловал. На Милу повеяло холодом. Она не сразу поняла, в чем дело, и ей стало неуютно рядом с ним и даже как-то не по себе.

– Что-то не так? Что с тобой, девочка моя? – спросил Милу Виталий, когда она немного вздрогнула и отстранилась от него.

– Да нет, просто я перенервничала, пока ждала тебя. Проходи, – сказала Мила и ушла в гостиную.

Разговор у них не клеился. Говорили ни о чем, хотя сначала Виталий пытался рассказывать о своих гастролях с упоением и гордостью, но Мила не проявляла, казалось, особого интереса к его рассказам.

И вдруг она прервала Виталия на полуслове:

– Знаешь, а ты ведь мне изменил.

Юноша потерял дар речи. Он смотрел на нее и молчал, хотел что-то ответить, но слов не находил. Наконец все же собрался с мыслями:

– М-и-и-ла, ты что? Я? Тебе изменил?! – говорил он, слегка заикаясь.

– Да! Ты заряжен чужой энергетикой. У тебя изменилась аура и вообще ты мне врешь!

Первый раз в жизни!

Виталий густо покраснел, плечи его осунулись, а руки задрожали.

– Я очень устал за эту поездку. Я недосыпал, нас изнуряли репетициями, я играл трех любовников-негодяев в разных пьесах. Неужели ты думаешь, что все это не отразилось на мне? Мила, я не изменял тебе! Выбрось это из головы. Я люблю тебя и не позволю тебе подвергаться самообману.

Виталий говорил очень настойчиво и убедительно, но на Милу это не произвело никакого впечатления. Она в упор смотрела на своего возлюбленного и, казалось, не верила ни одному его слову. Он это чувствовал, но убеждать ее у него больше не хватало сил.

– Знаешь, Мила, я пойду, пожалуй, – сказал он наконец. – Ты подумай хорошо и, я уверен, ты изменишь свое мнение. У тебя нет никаких оснований подозревать меня, я тебя люблю, ты это прекрасно знаешь. А насчет ауры и энергетики – решай сама. Но я не хочу, чтобы неверные результаты твоих научных экспериментов поломали наши счастье. Будь благоразумной.

С этими словами Виталий ушел. Мила осталась одна и расплакалась. Ей было очень обидно, но пойти против своих чувств, которые ее еще никогда не обманывали, она не могла.

Виталий и Мила не встречались уже несколько дней. Вероника Аркадьевна, конечно же, заметила перемену в поведении дочери и решила-таки спросить, что же произошло.

– Мапочка, Виталий вернулся из поездки, но не мой, понимаешь? Чужой какой-то. Я чувствую это. Он мне изменил, мамочка, – и Мила снова заплакала.

Вероника Аркадьевна обняла дочь.

– Возможно, ты ошибаешься, дорогая моя. У страха глаза велики. Будь поспасибительней. Знаешь, как говорят? Если я не видела этого собственными глазами, то значит он мне не изменял. Зачем ты терзаешься понапрасну?

– Так говорят обыватели, толстокожие и не обремененные интеллектом особы. Я не могу так, мама.

– Ну хорошо, а что же делать с нашим отдыхом? Ты намерена ехать без Виталия?

– Конечно! – сказала Мила. – Во всяком случае, если он не объяснится со мной и не докажет, что я неправа.

Дело принимало серьезный оборот. Вероника Аркадьевна прекрасно знала, что никому еще не удавалось убедить ее дочь в том, что она в чем-то неправа, особенно, когда это касалось ее чувств. Тут она стояла до конца на своем мнении, и переубедить ее было практически невозможно.

Она решила сама поговорить с Виталием и выяснить, в чем дело. Предварительно созволившись с ним, Вероника Аркадьевна пришла на встречу со своим потенциальным зятем в сквер у Большого театра, где они побеседовали около сорока минут.

– Я не знаю, что вам сказать, Вероника Аркадьевна. Для меня это все, как снег на голову. Я чист перед вашей дочерью. Она заблуждается, никаких любовных интриг у меня не было, я клянусь вам. Да у нас все актрисы замужем! Извините, но это бред какой-то!

– Виталик, я очень хорошо отношусь к тебе и хочу помочь. Милочка очень впечатлительная, но у нее ведь есть особенности, сверхпредчувствие и все такое, ты же знаешь. С этим

нельзя не считаться. Если она обманывается, нужно попытаться ее переубедить. Давай вместе подумаем, как это лучше сделать?

– А надо ли, Вероника Аркадьевна? Получается, что я должен оправдываться в том, что я ничего плохого не совершал, то есть доказывать, что я не верблюд. Это же абсурд!

– Но ты ведь любишь ее. Нужно бороться за свою любовь. Не можете же вы порвать ваши отношения только из-за обоюдного упрямства. Я поговорю с Милой и попрошу ее встретиться с тобой. Объяснитесь еще раз. Все обойдется, я уверена.

Старания Вероники Аркадьевны не прошли впустую. Мила согласилась встретиться с Виталием и молча выслушала его доказательную речь о том, что он ей верен, честен перед ней и по-прежнему любит только ее одну.

– Ладно, – сказала Мила. – Я должна тебе поверить, но ты пойми, что это не каприз. Я вижу любого человека насквозь. Я забуду этот эпизод. Не знаю, что там у тебя произошло, пусть это останется на твоей совести, но я не сделаю этого второй раз. Пойми, Виталий, мне очень трудно строить свои отношения с человеком, мысли, чувства и поступки которого мне могут быть известны. Не обманывай меня.

Виталий облегченно вздохнул. Он взял девушку за руку и нежно поцеловал кончики ее пальцев. Милу он обожал, но честен с ней не был.

* * *

Утонченная красота, благородство манер, талант – все это не оставляло равнодушным женщин, которые вращались вокруг Виталия Петерсона. Все актриски и серьезные актрисы были влюблены в него и не раз предлагали провести с ними приятный вечер. Они настойчиво приглашали молодого красавца в гости, недвусмысленно намекая на интимное времяпрепровождение, а порой просто откровенно предлагали ему себя.

Выбор у Виталия был огромный. И он сдался. Не потому, что был уж очень сластолюбив, но он был мужчиной, зрелым и страстным. Он испытывал большие чувства к своей избраннице, Миле Лагутиной, но их отношения носили девственный характер. Мила даже целовать себя позволяла только в щеку, а если уж в губы, то только слегка притрагиваясь к ним, как к лепесткам розы, чтобы не повредить и не помять их, нежных и шелковистых.

Виталий ценил целомудренность своей невесты, но природа брала свое. Сбиться с истинного пути его соблазнила молодая партнерша, с которой они были заняты в «Ревизоре». Наташа Меркулова играла Марию Антоновну, хорошенькую дурочку, а Виталий – Хлестакова. Что в этой Наташе так задело сердце Виталия, он и сам не понимал. Но ночью после спектакля он не смог выгнать ее, когда она робко постучала к нему в дверь и впорхнула в его номер в легком облегающем трикотажном платье, под которым абсолютно ничего не было, и босая.

Она сразу же скинула платье и предстала перед ним во всей красе своих округлых, полноватых, но по-девичьи прелестных форм.

– Виталик, только не ломай комедию, – сказала она, – давай не будем играть в мальчика и девочку. Переспи со мной, доставь себе удовольствие.

Виталий, как голодный, набросился на девушку, ощутил почти физически ее горячую истому и почувствовал запах женского тела, от чего у него закружилась голова. Следующим его реальным ощущением было то, что он обладал этой юной горячей плотью, он был во власти своих низменных чувств, которые на тот момент отождествлял с неземным блаженством.

Но все внезапно кончилось, Виталий лежал рядом с Наташей на полу, почти бездыханный, утомленный и удовлетворенный, а она нежно целовала его и говорила:

– Ну вот я и выиграла пари. А все утверждали, что мне не удастся тебя соблазнить. Ну и глупый же ты, Петерсон. Хочешь женщину и изводишь себя, как монах.

Виталию стало неприятно от этих слов. Он отодвинулся от ее разгоряченного тела и тут подумал про Милу. Она представилась ему в виде маленького плюшевого медвежонка, тогда

как лежащая рядом, бесстыдно обнаженная Наталья, все еще пытающаяся неприлично ласкать его, казалось ему чуть ли не акулой, хищной, коварной и опасной.

– Наташа, иди к себе, – сказал он ей, слегка поморщившись. – Все, что нужно, ты уже сделала. Я вполне доволен. Но с меня хватит.

– А ты уверен? Я ведь девушка ненасытная. Могу всю ночь с тобой покувыркаться, только свистни. Ну пока, – сказала она с усмешкой и ушла, кое-как натянув на себя свое розовое трикотажное платье.

Виталий долго переживал свой позор. Он прекрасно понимал, что все вокруг знают, что произошло между ним и Меркуловой, но самое ужасное то, что он так ни разу и не смог ей отказать. Она появлялась у него почти каждую ночь, и он предавался любовным утехам с ней, прекрасно понимая, что этого делать не должен. Виталий даже подозревал, что он не единственный ее любовник, так как Наташа открыто кокетничала и флиртowała со всеми. Но это ему было абсолютно безразлично. Он знал, что покончит с этой связью сразу же после окончания гастролей. Честно говоря, кроме брезгливости она никаких чувств у мужчины не вызывала, и он проклинал себя за слабость, слабоволие и неспособность сопротивляться собственным похотям.

Когда Мила вдруг неожиданно раскусила его, он испугался. Ему стало невероятно стыдно, но в то же время и обидно за себя. Ведь в конце концов вся эта история с Меркуловой не стоила и выеденного яйца. Сам-то он никакого значения их отношениям не придавал вообще. Но Мила вдруг обернула все это в его сознании совершенно другой стороной.

После ее упреков Виталий Петерсон впервые задумался о том, что его поступок не детская невинная шалость, а самая настоящая измена и предательство. Ему захотелось во что бы то ни стало защитить себя, убедить Милу в том, что она неправа. И слава богу, ему это удалось, пусть с помощью Вероники Аркадьевны, но это уже не суть. Главное, что Мила перешагнула через черту разрыва с ним, и он вновь как бы очистился от постыдного греха и вернулся к своей возлюбленной в прежнем облики.

* * *

Отдых в Анталии проходил великолепно. Море, солнце, песчаные пляжи, комфортабельный роскошный «Люкс» в пятизвездочном отеле с двумя просторными спальнями, в одной из которых спали Мила с ее мамой, а в другой – Виталий со Станиславом Мартыновичем. Мраморная ванная, сверкающая зеркалами и никелем, была размером не меньше двадцати квадратных метров, кондиционеры в каждой комнате, холодильник-бар, изобилующий напитками всех сортов, и приветливый обслуживающий персонал делали их отдых приятным, комфортабельным и незабываемым.

Мила и Виталий проводили много времени вдвоем, родители старались не обременять их своим присутствием. Виталий заметил, что Мила стала более податливой, более раскрепощенной и позволяла ему намного больше, чем раньше. И еще он чувствовал, что она чего-то ждет от него.

Как-то раз вечером в баре, где они обычно пропадали до глубокой ночи, давая родителям возможность тоже побыть наедине, Мила вдруг спросила его:

– Виталик, скажи мне, какие у тебя планы на будущее? Ты собираешься строить его со мной или мечтаешь о чем-то еще? Я хочу понять, какое место я занимаю в твоей жизни. Извини, что я так в лоб, но мне необходимо это знать.

Виталий растерялся так как был не готов к разговору такого рода. Он очень любил Милу и не мог дожидаться, когда она наконец достанется ему вся целиком и безраздельно, но это никак не ассоциировалось в его сознании с их совместным будущим. Точнее, он об этом еще не задумывался всерьез, и только сейчас впервые до него дошло, что их отношения действительно должны идти к какой-то конкретной цели.

– Мила, я не знаю, что сказать. Видишь ли, я не могу сейчас ничего предложить тебе. Мой однокомнатный кооператив вряд ли тебя устроит, а на большее я пока не тяну. Я хочу, чтобы ты сама сделала свой выбор. Ты знаешь, чем я располагаю, если я сделаю тебе предложение, то это означает, что я приглашаю тебя жить со мной в одной комнате и ждать, пока я заработаю на большее.

Мила смутилась. Она говорила несколько о другом, жилищная проблема не стояла у нее во главе угла. Просто ей никогда не приходилось задумываться о таких банальных вещах. Она думала о высоких материях, о том, какое место она занимает в его душе, как сильно он связан к ней, а в конечном счете, собирается ли Виталий стать ее мужем и сделать ее, Милу, своей любимой на всю оставшуюся жизнь.

Разговор зашел в тупик. Мила чувствовала обиду и разочарование, а Виталий пытался понять, что он сказал или сделал не так. Конечно же, он не хотел терять Милу, он по-прежнему испытывал к ней нежные и трепетные чувства, которые росли и крепили с каждым днем, но жениться он был попросту не готов. Он отводил себе еще пару лет на холостяцкую жизнь и ухаживания за Милой, а она ждала большего.

Так ни о чем и не договорившись, они вернулись в отель, и на следующий день Мила весь день провела в номере, сославшись на головную боль и плохое самочувствие. Виталий переживал, ему очень хотелось вернуть все в прежнее русло и попытаться исправить свою очередную ошибку.

Лагутины и Виталий возвратились домой в конце августа. В Москве уже началась осень, природа не хотела ждать наступления сентября. Янтарно-желтые кроны деревьев, осенние астры на городских клумбах и прохладный, слегка пронизывающий ветерок отчетливо напоминали о том, что лето кончилось, пора готовиться к зиме. Виталий вернулся в театр, который во всю готовился к открытию сезона, а Мила приступила к занятиям, в этом году она заканчивала институт, и это был очень серьезный период в ее жизни.

Глава 6

Дмитрий проснулся от легкого прикосновения и подскочил на кровати, как испуганный.
– Ты чего? Что случилось? Пора уже? – спрашивал он не менее испуганную Настю, которая разбудила его, как он и просил, в час ночи.

Она, ни слова не говоря, включила ночник, и Дмитрий заметил, что Настя уже одета и готова идти, куда он скажет.

– Черт, извини, я что-то совсем... так крепко уснул. Сейчас я, – сказал Дмитрий и проворно вскочил с постели.

Оделся он быстро, умылся холодной водой, чтобы согнать остатки сна, и они тихонечко вышли в коридор.

– Пойдем, я выведу тебя через ресторан, а сам пойду выпишусь из номера. Я не хочу, чтобы мы тут мелькали вдвоем.

В ресторане еще играла музыка и было довольно много посетителей. Официант, уставший и злой, сказал им, что они больше не обслуживают, на что Дмитрий только пожал плечами и повел Настю через зал к другому выходу. Они без труда вышли на улицу и остались практически незамеченными.

– Так, ты жди меня здесь, не высовывайся. Я подъеду на машине вон к тому углу, тогда быстро беги туда и сумку мою не забудь, поняла? – спросил Дмитрий, и Настя кивнула в ответ.

Ждать ей пришлось довольно долго, не менее часа. Она замерзла и очень волновалась, боялась, что что-нибудь случится, и Дмитрий не приедет за ней. Что тогда делать? Но он наконец подъехал на старенькой «Ниве», Настя быстро запрыгнула внутрь, дрожа, как осиновый лист, и они сорвались с места.

– Слушай меня внимательно, – сказал ей Дмитрий, – времени у нас критически мало. Думай быстро, во что мы завернем твоего приятеля. Ничего пушистого, тяжелого и шуршащего. Идеальный вариант – тонкое большое одеяло.

– Штора подойдет? У меня есть в запасе огромная темно-синяя штора. Не шелковая, что-то типа гобелена.

– Подойдет, хорошо соображаешь. Если ты ее быстро найдешь, конечно. Дальше, подумай сразу, где у тебя ключ от его квартиры, потому что у него в кармане его может и не быть.

– Да это я знаю. Он на одной связке с моими ключами.

– Отлично! Дальше, деньги, документы – все должно быть найдено быстро и без проводов. Шмоток никаких не бери, все остается здесь. И последнее, ты должна будешь быстро написать ему записку такого содержания: «Марат, я уехала. Меня не жди до четверга. Позвоню тебе послезавтра, в среду. Пока, Настя»

– Поняла, это как бы я уехала на день раньше случившегося, то есть, меня здесь не было, да?

– Не голова, а электронный соображатель, быстро и точно. Итак, четыре вещи: штора, ключ от его квартиры, деньги и документы, записка. Все это на твоей совести, я занимаюсь Маратом. Вербка есть?

– В ванной натянута, – быстро ответила Настя.

Они подъехали к дому. Окна Настиной квартиры зловеще темнели, хотя в это время свет горел только в двух-трех окнах, и то не в ее подъезде. Машину оставили в дальней части двора, ее в темноте было практически не видно. Тихо поднялись на четвертый этаж и вошли в квартиру.

Настя достала штору из шифоньера и протянула Дмитрию, тот ушел с ней в ванную, а она быстро стала выполнять два оставшихся задания. Деньги и документы засунула в имевшийся

у нее дипломат, и написала записку. Дмитрий позвал ее минут через десять и сказал, что все готово, надо уходить.

– Дима, а как мы его потащим? Он же, наверное, тяжелый? – спросила Настя, дрожа мелкой дрожью и не попадая зуб на зуб.

– Помоги мне взвалить его на плечо, как ковер.

Они стали пытаться взгромоздить окоченевшее тело Марата Дмитрию на плечо, что оказалось совсем нелегким делом.

Устрашающий темно-синий тюк норовил все время грохнуться на пол при малейшей попытке определить его у Дмитрия на плечо. Наконец им удалось с ним справиться, и они вышли из зловещей квартиры, которую Настя, скорее всего, покидала навсегда.

Тело Марата загрузили в машину на заднее сидение, кое-как захлопнув при этом дверцу, и быстро выехали со двора.

– Ты знаешь, куда ехать? – спросила Настя.

– Знаю, я был у него один раз. Это за кинотеатром, налево и прямо. Скажешь только, где остановиться. Там несколько многоэтажек, все одинаковые.

Подъехали к дому Марата минут через пятнадцать и остановились, ошарашенные увиденным: у него в окне горел свет.

– Твою мать! Это еще что за идиотизм? Ты чего-нибудь понимаешь? – выругался Дмитрий, а Настя быстро-быстро закачала головой.

– Нет, я не знаю, кто там. Дима, что делать? Куда его девать теперь?

– Куда-куда... придется здесь оставлять, в машине и сматываться. На вокзал и первым поездом в первое попавшееся направление.

– А деньги? У него ведь там не меньше двадцати тысяч долларов. Я это точно знаю! А может, и больше.

– Ну так что теперь? Поднимись и попроси разрешения их забрать. Кто там сейчас, он тебе откроет и поможет.

– Шутишь? Ты все шутишь, а я... а у меня... – Настя почти плакала.

– Так, прекрати свою дурацкую истерику и пошли отсюда. Представляешь, если машина уже в розыске, и нас в ней застукают?

Настя выскочила из машины, как укушенная.

– Так-то лучше. Пошли быстро отсюда.

– Постой, а штора? Меня же по ней узнают. У меня такие же на окнах висят.

– Тьфу ты, черт! – опять выругался Дмитрий и кинулся к машине разворачивать Марата. Справиться с этим ему было довольно трудно, но все же минут через пять он захлопнул дверцу и быстрым шагом подошел к Насте со шторой и веревкой подмышкой и со своей дорожной сумкой на плече.

– Пошли, – сказал он, и они почти бегом побежали в сторону вокзала.

Им повезло, примерно через сорок минут отправлялся проходящий поезд на Астрахань, и Дмитрий выкупил в кассе два билета в общий вагон, переплатив за них втридорога.

– Что ты собираешься делать со шторой? – спросила Настя.

У нее при виде этой темно-синей материи начинались чуть ли не судороги.

– Пойду вон бомжу отдам. Мерзнет, бедняга, – сказал Дмитрий и направился к одинокому полуспящему мужичку, который притулился между газетным киоском и грязным обшарпанным углом вокзального здания.

Настю чуть не стошнило, когда она увидела издалека, как обрадовавшийся дядька стал укутываться ее шторой, в которую всего полчаса назад был завернут окоченевший покойник.

* * *

– Дима, а ты был когда-нибудь в Астрахани? – спросила Настя, когда они уже ехали в общем вагоне, пропахшем пивом, мочой и несвежей пищей.

– Нет, а что?

– Да так, ничего. Интересно все-таки, куда только судьба не забрасывает человека.

– Ну нас-то с тобой, положим, не судьба сюда забросила, а случай. Это разные вещи. И в Астрахань я не поеду, я выйду раньше. А ты как хочешь. Я лично в Москву еду, а тебе и впрямь лучше в Астрахань. В провинции у тебя будет меньше проблем.

Настя испугалась. Ей, конечно, не впервой перебираться с места на место, но она никогда не оставалась одна. Всегда с ней был Марат. А сейчас она даже представить себе не могла, куда пойдет в чужом городе и как будет устроиваться.

– Дима, ты что? Не бросай меня. Хочешь я тебе кое-что скажу?

– Нет, не хочу. Я сыт по горло, больше ничего знать не желаю. С тобой я расстанусь. Больше я тебе не помощник. Извини.

Дмитрий посмотрел на притихшую Настю. В эту минуту она жалкая, растерянная и поникшая чем-то напомнила ему Милу, всегда такую беззащитную и кроткую. У Насти в эту минуту было то же выражение глаз, те же поджатые губы, и даже сомкнутые вместе руки она точно так же, как Мила, прижала к груди.

«Вот это сходство, ничего себе!» – подумал тронутый до глубины души Дмитрий и слегка приобнял девушку. Она вдруг прижалась к нему всем телом и быстро-быстро заговорила прямо в самое ухо:

– Димочка, любимый мой, хороший. Спасибо тебе за все, ты такой добрый, такой сильный, такой красивый. Ты у меня единственный, я пригожусь тебе, я верная, я умею хорошо драться и защищаться, я буду делать все, что прикажешь, только не бросай меня...

Дмитрий опешил. В нем смешались два чувства, первое – это глубокая усталость от проблем, связанных с Настей, и второе – чувство жалости и неспособности оставить Настю одну. Ее голос, ее слова, ее тон – все напоминало ему Милу в данную минуту, и он в порыве этого чувства крепче обнял ее и прижал к себе.

– Господи, Мила, ну что мне с тобой делать? – непроизвольно произнес он и сам испугался.

Настя слегка отпрянула от него и внимательно, сквозь слезы посмотрела ему прямо в глаза.

– Что?! Что ты сказал? Как ты меня назвал? – возмущенным шепотом спросила она.

Воцарилась минута молчания. Оба в какой-то тупой растерянности смотрели друг на друга и что-то соображали. Вокруг сидели люди, полудремавшие пассажиры, кто-то и вовсе не спал, а таращился в окно на проплывавшие мимо выжженные солнцем степи. Но тут все, как один уставились на них.

– Пойдем, выйдем в тамбур, – сказал Дмитрий и взял Настю за руку.

Она послушно подчинилась и направилась за ним. В тамбуре было прохладно и воняло дымом дешевых папирос. Кто-то совсем недавно покинул это место, и сизый дым еще витал под потолком.

– Так, еще раз и по-хорошему, – проговорила Настя. – Как ты меня назвал?

– Ну ты же слышала. Ну оговорился я, прости. Не будешь же ты мне сцену ревности устраивать, я надеюсь, – упорно защищался Дмитрий.

– Сцену ревности не буду. Но я хочу знать, откуда ты знаешь Милу, и что все это значит!

Дмитрий сразу понял, в чем дело. Настя, оказывается, знала про свою сестру и даже знала, как ее теперь зовут. Он понял, что влип основательно.

– А ты ее откуда знаешь? – не сдавался он.

– Насколько мне известно, так зовут мою родную сестру, с которой мы, якобы, похожи, как две капли воды. Я воспитывалась у тетки, она рассказала мне все. Я знаю про Милу и видела ее фотографии. А ты кто? Уж не братец ли ее сводный?

Настя говорила въедливо и зло, прищутив глаза и держа Дмитрия за грудки. Он вырвался из ее цепких рук и сказал, тоже твердо и зло:

– Во-первых, почему такой менторский тон, а во-вторых, успокойся.

Честно говоря, он не знал, что ответить Насте. В глубине души он уже готов был расстаться с ней навсегда, он понял, что его затее не суждено стать реальностью. Но он проговорился, и Настя раскусила его. Придется объясняться. Дмитрий смотрел на девушку взглядом, полным тоски и обреченности. Ему было жаль ее, а она ждала.

– Ты интриган, – вдруг сказала она. – Плетешь за моей спиной какую-то интригу. Я хочу знать правду. Ты Людкин брат?

– А почему ты фамильярничаешь? Я, к твоему сведению, не знаю никакой Людки. И пожалуйста, Настя, избавь меня от объяснений. Вышло недоразумение, поверь мне. Чистой воды заблуждение. Ты тут не виновата. Давай расстанемся по-хорошему. Я все-таки помог тебе выпутаться из беды, считай это компенсацией за случившееся недоразумение.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему. Но я все равно рано или поздно узнаю все. Ты приехал в Маржуйск не случайно, и отыскал меня не случайно. Значит, тебе чего-то было нужно. Или моей сестрице разлюбезной. Скажешь нет? – Настя все еще говорила возмущенным тоном и видно было, что она не хотела сдаваться.

– Нет, ничего мне было не нужно. Ты прекрасно знаешь, как мы познакомились. Ты сама ко мне подошла, не так ли?

– Ой, перестань! Я подошла потому, что меня Марат попросил с тобой поближе познакомиться, а ты, значит, попросил Марата подослать меня к тебе. Вот и все! Круг замкнулся. Не дури мне голову.

Дмитрий не хотел продолжать разговор. Он смотрел на Настю, кое-как одетую, кое-как причесанную, плохо накрашенную и хотел только одного, как можно скорее избавиться от нее.

– Все. Извини, Настя, но нам больше не о чем говорить. Давай попрощаемся, я выхожу на следующей станции, а ты дуй дальше. Деньги у тебя есть, не пропадешь. Не вздумай возвращаться в Маржуйск. Там тебя ждет либо тюрьма, либо могила. Послушайся моего совета.

Настя криво усмехнулась, грубо и вульгарно сплюнула на пол и сказала:

– Да пошел ты со своими советами! Ты меня слушать не хотел, а я тебе все же скажу. У Марата в хате спрятаны деньги, и только я одна знаю, где они. Одна! Их никто никогда там не найдет, даже если с семи собаками искать будут. Насчет двадцати тысяч я пошутила. Их там в десять... в сто раз больше. И я их достану!

– Доставай. Желаю удачи. Жаль только не узнаю, где могилка твоя будет, а то бы цветочков занес когда.

– Ладно. С тобой, я вижу, каши не сварить. Катись на все четыре стороны, но я не прощаюсь. Я найду тебя.

Дмитрию стало не по себе. Меньше всего он хотел, чтобы Настя рано или поздно объявилась и влезла в их семью. Но в глубине души он в это не верил.

– Найдешь? Ну что ж, посмотрим. Только запомни, я никогда и ни в чем больше не смогу оказать тебе содействия.

С этими словами Дмитрий повернулся и вышел из тамбура, где он основательно продрог и пропах табаком. Он покинул Настю на ближайшей станции, вышел на перрон и быстро зашагал в сторону вокзала. Он ни разу не обернулся, но ему показалось, что до его слуха донеслись слова: «Увидимся, Дима...»

Глава 7

Дмитрий Лагутин наконец-то добрался до Москвы. Ранним прохладным утром он вышел из поезда на Павелецком вокзале и был рад прибытию в родной город, несмотря на вокзальную суету и усталость. А устал он неимоверно. Надо же было так влипнуть! Вечно ему в голову приходят какие-то бредовые идеи! Дмитрий не мог простить себя за легкомысленность и авантюрное поведение, которое, впрочем, ему было совершенно не свойственно.

Он всегда отличался здравым смыслом и умением принимать правильные решения. А тут прямо наваждение какое-то! А все из-за неразделенной любви.

Чем ближе Дмитрий подъезжал к своему дому, тем тревожнее становилось у него на душе. Он отсутствовал довольно долго и не представлял, что сейчас происходит в семье, как Мила, мама, отец. Он звонил им, конечно, но разговоры всегда были краткими, а три недели его семья вообще отсутствовала, была на курорте. И этот Виталий с ними! Ах, как Диме было не по себе от мыслей о нем. Он все еще ревновал Милу, по-прежнему любил ее и ужасно соскучился.

Сестра сама открыла ему дверь и бросилась на шею. Она искренне была рада возвращению брата. Выглядела Мила замечательно, свежая, загорелая, только глаза были грустные и улыбка невеселая.

– Ну как вы тут без меня? – беззаботно спросил Дмитрий. – Как отдохнули? Понравилась Турция?

– Да, это был замечательный отдых, Димочка. Жаль, что тебя с нами не было.

– А что же ты тогда кислая такая? Мила, случилось что-нибудь? – Дмитрий все же не удержался от вопроса.

– Да нет, ничего особенного не случилось, просто скучала я по тебе очень. Даже не верится, что ты дома.

– Ну-ну, ладно тебе, не прикидывайся. Дружок-то твой, небось, не давал тебе скучать.

– Ой, Димка, лучше не спрашивай о нем.

– Что так? Поссорились что ли? Это на тебя не похоже.

Но Мила не спешила с рассказами. Она потрепала брата по волосам и сказала:

– Немедленно в душ, я пока тебе завтрак приготовлю, а потом обо всем поговорим. Мне, кроме тебя, и поделиться-то не с кем.

Дмитрий послушно пошел в ванную комнату и ужаснулся, глянув на себя в зеркало. Выглядел он помятым, небритым, несвежим и почему-то связал это с Настей. Она в тамбуре выглядела примерно так же, и он вспомнил вдруг поговорку: «С кем поведешься, от того и наберешься».

– Да уж, хорош, нечего сказать. Опустился, дальше некуда, – тихо сказал он сам себе и стал принимать горячий душ, чтобы лучше смыть с себя многодневную грязь и дорожную пыль.

Он отсутствовал около двух месяцев. За это время он успел побывать в нескольких городах, сначала разыскивая Настю, а потом убегая с ней от опасности. Он жил в Маржуйске, пытаясь познакомиться с ней и для этого внедрялся в весьма подозрительную компанию, хотел стать своим в доску и по-хорошему присмотреться к девушке прежде, чем предпринимать серьезные шаги.

Познакомился наконец, но тут же оказался в центре небезызвестных событий, которые чуть было не ввергли его в неприятности. И что в итоге? Да ничего, ноль!

– Ну ладно, все позади. Бог с ней, с Настей, – говорил тихонечко Дмитрий, нещадно натирая тело губкой и подставляя его тугим горячим струям, от чего ему становилось жгуче-приятно.

Мила поджидала его в столовой за красиво накрытым столом. Его любимый «Голландский» сыр, салями, ветчина – все было красиво разложено на продолговатой тарелке, аппетитно пахло свежими тостами, ароматным кофе и ванильными пряниками.

– Вот это да! Умница, сестренка! Я голоден, соскучился по хорошим завтракам и по тебе.

Дмитрий начал уплетать снедь и даже не заметил, что Мила не ест, только пьет кофе и очень серьезно разглядывает его.

– Дим, а ты где был? В Сибири, в тайге? Ты откуда такой вернулся? – вдруг спросила она, и Дмитрий смутился.

– Где я был? Ну как где? По делам ездил по всяким. Где меня только не носило, лучше не вспоминать. В Сибири не был, чуть-чуть не доехал, в Уральских горах заблудился.

– Да ну тебя! Вечно ты со своими шуточками. Мама вся испереживалась, говорит, что ты нашел кого-то. Это правда?

– Кого нашел? – Дмитрий слегка насторожился. – Где? В Уральских горах?

– Ну это тебе лучше знать. Она говорит, что ты нашел себе женщину и поэтому тебя так долго нет.

Дмитрий поперхнулся, слегка закашлялся, отхлебнул изрядное количество горячего кофе из чашки и с трудом проглотил его.

– А какую женщину, она не говорила? Ну там блондинку или брюнетку, рыжую может? Откуда такая информация?

– Дима, не кипятись, это только мамины предположения. Она волновалась за тебя.

– А ты? Или ты тоже думала про женщину?

– Я не знала, что думать, честно говоря. Хотя мне и без твоей женщины досталось. У меня с Виталиком напряг.

Мила переключилась на другую тему, и Дмитрий был рад вдвойне, так как слово «напряг» вселило ему какую-то подсознательную радость, за что он тут же укорил себя в душе.

Мила тем не менее стала делиться с братом своими переживаниями по поводу отношений с Виталием. Она рассказала ему все, и о своих подозрениях, и о неприятном разговоре в Анталии, а в итоге добавила, что не совсем уверена в его, а самое главное, теперь уже и в своих чувствах к нему.

– Поверь мне, Дима, я бы ни за что не стала делать из всего этого трагедию, но я чувствую, что в наших отношениях произошел надлом. И это с тех пор, как он вернулся из гастролей, чужой и виноватый какой-то. Я не могу этого забыть, я пыталась.

Дмитрий слушал Милу с двояким чувством. Чисто по-человечески ему было жаль сестру, которая ошиблась в выборе возлюбленного, но с точки зрения мужчины, который любил ее, он конечно же был рад такому повороту событий. Хотя, это вряд ли давало ему самому какие-то привилегии: Мила никогда не сможет стать его, как бы он этого не желал, и от этого он страдал.

– Забудется все, не переживай. Виталий твой, конечно, не подарок, мне он, честно говоря, никогда не нравился, но не мне решать. Смотри сама. Я думаю, у тебя хватит такта наладить отношения, если ты того пожелаешь. Ну а если нет, то о чем и переживать? Ты прелестное создание, Мила. И ты обязательно будешь счастлива.

– Эх, Димка! И почему ты мой брат, а не просто посторонний мужчина? Вот кого бы я полюбила без оглядки и на всю жизнь.

Мила сказала это беззаботно, хотела сделать брату приятное, но Дмитрия передернуло, как от ожога. Сердце сильно забилось, а на лбу выступила испарина.

– Что с тобой? Тебе нездоровится? Иди, приляг. Я тебе водички принесу, – сказала Мила и вышла в кухню.

Дмитрий сильно ударил кулаком в собственную ладонь и стиснул зубы. Он понимал, что он в ловушке собственных чувств, и что ловушка эта захлопнута навсегда.

Он крепко уснул на диване в гостиной, где было свежо и прохладно. Мила открыла настежь балкон и заботливо укрыла брата махровым покрывалом. Проснулся он от того, что кто-то присел на краешек дивана, и он это почувствовал. Чуть-чуть разомкнув тяжелые веки, он увидел мать, которая сидела и смотрела на него, слегка склонив голову и улыбаясь.

– Привет, – одними губами сказал Дмитрий и тоже улыбнулся.

Вероника Аркадьевна провела теплой мягкой ладонью по его щеке и тихо сказала:

– Спи, спи, сынок.

Она очень любила своего сына. Всегда волновалась и переживала за него, но никогда не вмешивалась в его личную жизнь. Что бы он ни делал, она всегда была на его стороне, и он никогда не огорчал ее, хотя с ним было связано много переживаний. То армия, то бизнес, то отлучки на отдых и по делам. И Вероника Аркадьевна никогда не была спокойна за сына, всегда боялась, что с ним что-нибудь случится.

Удивляло ее и то, что ее сын, несмотря на свою мужественную и вполне привлекательную внешность, был одинок. С женщинами он родителей не знакомил, а разговоров на эту тему вообще избегал.

Отец знал о его чувствах к Миле, но Дмитрий был благодарен ему за то, что мать он в эту проблему не посвящал.

После возвращения домой «блудного сына», как сказала Мила, жизнь в семье Лагутиных потекла своим чередом. Отец был постоянно занят, мать, работающая ради своего удовольствия всего по полдня, с увлечением вела домашнее хозяйство, Мила приступила к занятиям в институте, а Дмитрий вернулся к своим делам в фирме. Он обнаружил там полный порядок, все прекрасно справлялись без него, хотя и накопилось много сложных вопросов, которые без него сами собой не решались. Он вернулся вовремя и с головой окунулся в бизнес.

Дмитрий стал постепенно забывать о своем летнем приключении. И Настя постепенно улетучивалась из его сознания. Первое время он даже немного переживал за нее: где она, как она, что делает, не вернулась ли обратно в Маржуйск? Но со временем эти мысли перестали его беспокоить, и он решил, что с Настей покончено навсегда. Он знал, что Мила переживала свой медленный разрыв с Виталием. Молодые люди стали намного реже встречаться, а в их доме он почти совсем не показывался.

* * *

Наступил декабрь. Зима в этом году стояла снежная, холодная и ветренная. Одним из таких вечеров Мила собиралась идти домой. Она находилась в институтской раздевалке и разговаривала с парой приятелей. Мила заметила симпатичную молодую женщину, сидевшую в фойе и явно кого-то ожидавшую. Когда Мила наконец распрощалась со своими собеседниками, оделась и направилась к выходу, женщина догнала ее и спросила:

– Извините меня, вы ведь Мила Лагутина, я не ошиблась?

Мила остановилась и повернула голову, взглянув на женщину. Та стояла рядом и смотрела на Милу большими серыми глазами. Мила заметила, что женщина беременна. Ее искусственная шуба «под леопард» еле-еле сходилась на животе, еще не огромном, но достаточно приметном. Мила озадачилась. Женщина показалась ей знакомой, но вспомнить, кто она, девушка сразу не смогла.

– Да, это я, – сказала она наконец и вопросительно ожидала продолжения разговора.

– Мне нужно поговорить с вами. Это очень серьезно. Здесь есть буфет?

– Есть, но он закрыт в это время. А что случилось? – Мила даже не догадывалась, о чем может пойти речь, а потому не скрывала своего недоумения.

Но беременная собеседница, казалось, не спешила приоткрывать завесу тайны, которой было опутано ее внезапное появление. Она настойчиво, как показалось Миле, заявила:

– Знаете что, здесь через дорогу есть небольшое кафе. Пойдемте туда. Мне нужно очень серьезно поговорить с вами.

Но Милу такой вариант явно не устраивал. Идти в кафе ей совершенно не хотелось, она устала и мечтала как можно скорее сесть в машину и уехать домой.

– Извините, – сказала она, – но я спешу. Если все это так серьезно, говорите здесь.

– Хорошо. Только давайте отойдем в сторонку. Разговор не для лишних ушей.

Мила, слегка раздраженная, слегка заинтригованная покорно направилась за незнакомкой, которая поднялась на один этаж и уселась на широкий, низкий подоконник.

– Слушаю вас, только пожалуйста, давайте побыстрее. Меня дома ждут, – сказала Мила, явно давая понять, что делает женщине одолжение.

– Хорошо, я буду краткой. Я пришла сказать вам, что я жду ребенка.

Она замолчала, и Мила, криво усмехнувшись, сказала:

– Я заметила это. Ну и что?

– А то, что отец этого ребенка – Петерсон Виталий. Поэтому я требую, чтобы вы, наконец, выяснили с ним ваши отношения до конца и отпустили его. Виталий мечется между двух огней, и вас бросить не может, и меня он не оставит. Все в театре знают, что он мой любовник. Но мне этого недостаточно. У моего ребенка есть отец, и я хочу, чтобы он стал им официально, а вы мешаете этому своими интеллигентскими уловками. Вы как та собака на сене: и сам не гам, и другим не дам. Отпустите его, я вас очень прошу...

Женщина продолжала что-то говорить, она теребила Людмилу за руку, слегка даже плакала, но ошарашенная известием Мила ее уже не слышала. Она внезапно вспомнила эту женщину, конечно же, это Наталья Меркурьева или Меркулова, партнерша Виталия по многим постановкам. Мила, правда, видела ее только со сцены, поэтому и не узнала сразу, а сейчас она поняла, почему женщина показалась ей такой знакомой.

– Конечно, конечно, Наташа, вы только не волнуйтесь. И не плачьте, я вас очень прошу. Я поговорю с Виталием, – сказала вдруг она, а потом, подумав, добавила: – хотя нет, поговорите с ним сами, скажите, что я не против, конечно же, ребенку нужен отец, и лучшего вам не найти. Вам надо пожениться и как можно скорее. Я так рада, что вы беременны, вернее, что у вас будет ребенок. Это такое счастье! Боже мой, я что-то не то говорю. Извините меня, мне пора.

Мила, по-видимому, очень удивила Наташу своей реакцией на известие, так как она вдруг замолчала и увидела, как ее соперница быстро спускается по ступенькам.

«Странная она какая-то», – подумала Наташа и тоже пошла к выходу.

Мила села за руль своего Фиата. Руки ее дрожали, пальцы не слушались, она никак не могла вставить ключ, чтобы завести машину и прогреть ее немного. Милу трясло мелкой дрожью.

– Боже мой, какой ужас! – тихо сказала она сама себе и снова повторила: – Какой ужас.

Машина наконец завелась, мягко заработал двигатель и стал наполнять салон долгожданным теплом. Мила быстро согрелась, перестала дрожать, но мысли лихорадочно колотились в ее мозгу, воспроизводя одни и те же слова Наташи: он мой любовник... мечется между двух огней... отпустите его... я жду ребенка...

– Боже мой, – снова повторила Мила и, закрыв лицо руками, заплакала.

Мила пришла в себя не скоро. Она заметила, что просидела в заведенной машине уже около получаса. Стало жарко, и у нее разболелась голова. Тогда Мила выключила отопление, приоткрыла чуть-чуть окно и медленно тронулась с места. Водила она очень осторожно, даже, пожалуй, излишне осторожно. А сейчас и подавно, ехала медленно, постоянно слыша сигналы нетерпеливых водителей, которые порой и выкрикивали что-то, обгоняя ее, крутя пальцем у виска.

Мила старалась не обращать на них внимание. Что с них взять, мужчины все нетерпеливы и любят скандалничать по пустякам. Она добралась до дома все же без приключений, поставила машину в гараж и пошла в подъезд.

Но ей вдруг совершенно расхотелось идти домой, она не хотела никого видеть, ни с кем разговаривать, и вообще, не лучше ли уехать куда-нибудь и не появляться дома. Но куда?

И тут она вдруг вспомнила, что в театре «Арт» сегодня идет «Анна Каренина», Виталий играет Вронского, и Мила быстро приняла решение. Снова сев в машину, она отправилась к театру, прекрасно понимая, что на первое действие она уже опоздала.

Двери в театр были наглухо закрыты, она долго стучала, но наконец ей открыли.

– Милочка, что же вы так припозднились? Проходите быстрее, – сказала ей дежурная и пропустила Милу в фойе.

Она разделась, взяла бинокль и направилась в полупустой зал. Был обычный рабочий день, поэтому зрителей было немного.

– Садитесь на задний ряд. Виталик сегодня бесподобен, он в ударе, – сказала ей дежурная и проводила ее на место.

Спектакль Миле не понравился. Или настроение у нее было такое, но она не любила новизны и отсебятины, которыми, как ей показалось, изобиловала постановка: и Анна старовата, да к тому же блондинка, что совсем не соответствовало описанию ее внешности Толстым; исключена из постановки значительная и серьезная сцена скачек, видимо, из-за трудности ее осуществления; Сережа, раздражающий манерами плохо воспитанного переростка. Мила была более, чем раздосадована.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.